

КОНГРЕССЫ, КОНФЕРЕНЦИИ

© 1994 г., ЭО, № 1

«ОБРАЗ „ДРУГОГО“»

Конференция состоялась в г. Хаммамет (Тунис) 29—31 марта 1993 г. Со времени своего образования в 1985 г. Арабская социологическая ассоциация впервые провела научное мероприятие, по составу участников далеко выходящее за пределы арабского мира. Сама тема конференции настраивает на диалог, преодоление культурных барьеров. Организаторы встречи стремились показать, что проблемы, волнующие арабские страны, имеют на самом деле всеобщий характер. Не случайно представители 11 арабских стран оказались в меньшинстве (они составляли лишь около трети среди 154 участников конференции). Численно преобладали ученые из европейских стран. Они приехали не только из соседнего Средиземноморья (Франция, Испания, Италия), но и из Северной (Финляндия, Норвегия, Голландия) и Восточной Европы (Польша, Венгрия, Чехия). Из нашей страны пришло шесть человек, пять из которых — сотрудники Института этнологии и антропологии РАН (А. Р. Аклаев, В. В. Коротева, В. К. Малькова, Е. В. Макарова, С. М. Червонная) и Е. Зайцев — из НИИ теории и истории изобразительных искусств Академии художеств России.

Это была по-настоящему международная и многоязычная встреча. Рабочими языками были арабский, французский и английский. Однако английский не только не доминировал, как это обычно бывает, но и оказался в качестве дискриминируемого — лишь пленарные заседания переводились на все три рабочих языка. Даже находившиеся в более привилегированном положении франкоязычные участники испытывали трудности, так как некоторые доклады звучали только по-арабски. Другие участники выходили из положения сами — используя в кулуарах полиглотов-коллег. К сожалению, нам, как и многим европейцам, удалось следить только за докладами на английском и французском языках или в переводе на них. Это существенно ограничивало выбор секций, затрудняло диалог, к которому призывали организаторы конференции.

Притягательной стороной конференции для нас была возможность познакомиться с арабской социологической наукой. Арабские ученые мало известны тем, кто не является специалистом-арабистом. Особенностью данной встречи было то, что на ней рассматривались не узорегиональные вопросы, а одна из центральных социологических и культурологических проблем — проблема взаимоотношения между «я» и «другим». В своем вступительном обращении секретарь Арабской социологической ассоциации Т. Л а б и б высказал озабоченность по поводу того, что в современном мире люди становятся объектом манипуляции. Им навязывается искаженный образ «другого». По его словам, война в Персидском заливе показала, насколько быстро активизируются предрассудки и стереотипы, которые, казалось, давно уже забыты, причем это происходит повсеместно. Рамки конференции не были жестко определены — ни научной дисциплиной, ни конкретным периодом или географической областью. Неудивительно, что на приглашение Арабской социологической ассоциации откликнулись не только социологи, но и антропологи, этнографы, историки, специалисты по истории культуры, психологи, литературоведы, политологи.

На конференции помимо пленарных заседаний работа была организована в нескольких секциях — например, «Поверх границ» или «Проблема гражданства». Доклады, ставившие общие проблемы, оказались в разных секциях, в то же время на одной секции встречались самые разнообразные сюжеты, объединенные лишь по формальному признаку. Поэтому здесь мы перегруппировали доклады и выделили тематические блоки.

Взаимоотношения Восток/Запад определяли стержень конференции. Две наиболее близкие цивилизации, европейско-христианская и арабо-мусульманская, в течение веков противостояли друг другу. Соотнесение себя с «другим» помогало обеим определить собственное своеобразие. Естественно, что арабские ученые размышляли на конференции по поводу «арабскости», того, что можно назвать арабской культурой. В поисках своей идентичности они смотрят либо назад — на время расцвета своей цивилизации (Ф. Т р и к и из Туниса озаглавил свой доклад «Историчность и постоянство себя»), либо на значимого коллективного «иного» — Запад.

Т. Л а б и б (Тунис) считает, что в современном арабском сознании нет самой категории «инакости». Понятие «другой» имеет исключительно конкретное воплощение и кристаллизуется в образе Запада. «Другой» существует лишь в единственном числе. Запад заставил забыть о множественности «другого», т. е. о других. Истоки этого явления автор видит в замыкании арабской культуры на себе, ее стагнации. Этот процесс начался со времен крестовых походов, а колониализм его еще более усилил. Т. Лабиб полагает, что в процессе построения гражданского общества в арабских странах как плюралистического «другой» вновь приобретает множественное число.

Доклад А. Л а б и б а (Тунис) посвящен противоречию между индивидуальной и коллективной идентичностью арабов. Существует некое общее мифологизированное представление об «арабскости», арабских качествах, определяемых через традиции, историческую память. Принадлежность же отдельного человека к арабской общности может подвергаться сомнению, так как он не наделен в достаточной

степени этими качествами. Образ «другого» (Запада) играет в этом противопоставлении двойственную роль. Запад предстает как «смертельный враг», как некая однородная общность, перед лицом которой открывается возможность сформировать такую же однородную коллективную идентичность. Но Запад притягателен для тех индивидов, которые хотят почувствовать себя «цивилизованными», утвердить свое отличие от безликой массы. Автор делает вывод, что, таким образом, противоречие араб как индивид — «арабскость» еще более углубляется.

Ту же проблему соотношения индивидуального и коллективного в арабском сознании А. З г а л ь (Туниес) решает с точки зрения психоанализа. Он рассматривает образ «другого» как символическое построение, в котором преобладают бессознательные психические процессы — на индивидуальном и мифы на коллективном уровне.

Второй темой, столь же болезненной для арабского сознания, как и отношения с Западом, являются отношения с Израилем. Если Запад вызывает сложную реакцию притяжения-отталкивания, то соотношение себя с евреями берedit незаживающую рану. Тема арабы/евреи подспудно присутствовала на протяжении всей конференции, так как утверждение позитивной идентичности арабов все время подразумевало это противопоставление. Несколько докладов были непосредственно посвящены взаимным образам. М. Б а р у м (Объединенные Арабские Эмираты) попытался проанализировать образ арабов, бытующий в сознании евреев и создаваемый израильскими средствами массовой информации. К сожалению, настоящего анализа не получилось, а изложение свелось к обычным идеологическим клише. Единственный источник деформации образа араба автор увидел в сионистской пропаганде и глубокие корни этого нашел в имманентных свойствах еврейской культуры.

От этого выступления выгодно отличались доклады М. Х а д д а д а (Иордания), Р. А э р и а (Франция), Р. Ш а м и (Египет). М. Х а д д а д показал, как образ себя у арабов повлиял на их позиции по отношению к Израилю и привел арабские государства к сокрушительным поражениям в вооруженных конфликтах с ним. В течение длительного периода истории выработался стереотип арабского превосходства/еврейской приниженности, отражавший место евреев как меньшинства в мусульманских странах. Этот стереотип не изменился и после создания государства Израиль. Отрицание реальных фактов усиления еврейского государства и настойчивое утверждение лишь идеального образа себя (арабской цивилизации) исключили возможность переоценки ситуации. По словам Хаддада, столкнувшись с реальностью, арабские политики вынуждены признать горькие истины и встать на путь мирных переговоров. Насколько успешным может быть этот процесс при том, что образ евреев и государства Израиль, так же как образ себя, все еще остаются прежними?

М. А э р и а отмечает, что в представлении Запада арабы и евреи — два полюса извечного противоречия. Корни этого можно найти в библейском предании — о вражде между Исааком и Измаилом. Это отношение брат-враг, а борьба между ними принимает братоубийственные формы. В наши дни в Европе арабы стали национальным меньшинством, находящимся в состоянии диаспоры, т. е. впервые оказались в сходной с евреями ситуации. Внутри себя каждая из этих диаспор, арабская и еврейская, консолидирована. Но обе они не признают сходства своих проблем. Автор предполагает, что в новой ситуации братья-враги могут осознать, что они не только враги, но и братья.

Р. Ш а м и провел интересный социологический анализ того, как определенные модели отношения к другому укоренены в конкретном обществе и как одиночная попытка преодолеть их оканчивается неудачей. Он анализирует литературный текст египетского автора, хорошо знакомого с общинной жизнью евреев в Египте. В отличие от распространенного стереотипа еврея, замыкающегося от окружающего его мира в своей жесткой традиции, писатель создает новый образ еврея как человека, открытого мусульманской культуре и готового преодолеть враждебность окружения. Писатель пытается проникнуть в еврейскую психологию и объяснить, что значит для евреев наличие собственного государства, учитывая их драматическую историю. Однако Шами показывает, что писатель сам не свободен от стереотипов.

Наиболее многочисленными на конференции были доклады о положении арабских иммигрантов в разных европейских странах и Канаде. Они же были наиболее конкретными, основанными на данных социологических исследований. Среди этих выступлений отчетливо выделялись доклады европейских ученых, занимающихся проблемой мусульманских меньшинств на Западе — Ш. Г р и т е н (Бельгия), Х. Л у т ц (Нидерланды), Ф. Н е с т и (Италия), М. М и л о (Канада), М.-Ж. П а р и з е (Франция), Д. П р о в а н с а л ь и К. С о л е (Испания) и др. Это традиционная для социологии тема иммигрантской общины в принимающем обществе. Поэтому как применяемые методики, так и концепции у всех исследователей были сходными. Они все озабочены ростом расизма и нетерпимости по отношению к мусульманским иммигрантам, даже в странах Северной Европы, считавшихся до последнего времени этнически толерантными. Содержание образа мусульманина-иммигранта, складывающегося среди населения принимающей страны, варьирует незначительно. Негативные стереотипы вызваны предпологаемой угрозой стабильности общества со стороны ислама. В мусульманах раздражает недостаточное знание языка страны, в которую они прибывают, особенности одежды, манера поведения. Их обвиняют в вандализме и преступности, в нежелании принять правила поведения общества, в котором они живут, упрекают за угнетенное положение женщины. Предрассудки набирают силу в моменты кризисов в исламском мире — в связи с войной в Персидском заливе, делом Рушди, подъемом фундаментализма. Причем, по словам Х. Лутца, обсуждение проблемы интеграции мусульман идет не на профессиональном уровне. Любое обыденное высказывание об исламе охотно подхватывается и тиражируется средствами массовой информации.

В этой ситуации роста дискриминации по отношению к арабам в Европе парадоксально собственное восприятие иммигрантов. По данным Х. Л у ч и (Египет), проведенного опроса среди туниских иммигрантов во Франции, только 6% считали свои отношения с французами на производстве и в быту неудовлетворительными. Остальные же считали их вполне приемлемыми, основанными на взаимном уважении.

Заголовок доклада М.-Ш. Ферджани, арабского исследователя из Лиона, выразителен сам по себе: «Иной со всех сторон: мигрант на перекрестке взглядов». В немалой степени благодаря своей маргинальной позиции автору удается проникнуть в то, как обе культуры выстраивают образ друг друга. Эти образы противоречивы: для страны выхода свои соплеменники — одновременно «послы» в чужой стране и предатели, для страны, в которую мигранты прибывают, они могут быть «угрозой для светских, рациональных, универсальных ценностей» или, наоборот, символом борьбы «третьего мира».

Присутствие значительных иммигрантских групп в европейских государствах заставляет задуматься над казавшимся устоявшимся понятием гражданского общества. Ф. Хауг (Германия) замечает, что гражданское общество является гражданским в той степени, в какой признает внутри себя различия. В бывшей ГДР в результате раскола общества на новую капиталистическую элиту и жертв деиндустриализации возникло два рода расизма, характерных для каждой из этих групп и взаимно усиливающихся в неонацистских погромах. Ислам, кажется, играет в коллективном воображении роль «другого» для гражданского общества, но отношение к этому «другому» скорее свидетельствует о саморазрушении этого общества, чем о защите его ценностей. П. Донати (Италия) убедительно доказал, что права человека и права гражданина — не одно и то же. Вызов, каким является присутствие иностранца, ведет к переосмыслению того, что считалось гуманным для своего общества.

Воздействие политических факторов на формирование идентичности изучалось в ряде докладов. Такие европейские исследователи, как В. Харле (Финляндия) и М. Доорнбос (Нидерланды), говорили о создании надгосударственной — европейской идентичности и противоречивости этого процесса. Харле показал, что представление о том, чем является Европа, определяется негативно — через то, что «не есть Европа». Это логика, действующая за пределами логики государства. Он проанализировал исторические корни идеи «врага» в европейском сознании и ее последующее развитие. Доорнбос, сравнивая европейскую интеграцию с процессом государственного строительства в Индии, сделал вывод о недостаточности лишь политических институциональных форм объединения. В результате в обоих столь непохожих случаях возрастает роль культурных факторов, происходит обращение к этническим и религиозным чувствам населения.

Э. Паче (Италия), один из мировых авторитетов по социологии религии, посвятил свой доклад взаимоотношению католической церкви с исламом. В настоящее время католическая церковь пытается определить свое собственное место в процессе создания объединенной Европы. По мнению представителей ее иерархии, Европе требуется новый «этический пакт», минимумом разделяемых ценностей и роль гражданской религии может выполнить католицизм. Для этого ему нужно пересмотреть свое отношение к исламу как потенциальному конкуренту в европейском социально-религиозном пространстве, разрушить те предрассудки, которые он сам же сформировал на протяжении многих веков. Символический враг должен быть переосмыслен как близкий «иной».

Ситуация острого этнического противостояния неизбежно сказывается в образе «другого». К. Лекарди (Италия) описала ситуацию, когда этнический предрассудок становится инструментом поддержания колониального господства. Анализируя прессу, она продемонстрировала, как колониальная держава (Китай), разрушив значительную часть культурного достояния Тибета, затем стала отрицать его длительную культурную традицию. Тем самым метрополия пытается убедить себя и других в необходимости патернализма по отношению к колонии.

В. Котеста (Италия) в докладе «Образы „другого“ в этнических конфликтах» изучает изменение образа в зависимости от стратегий социального поведения по отношению к иммигрантам. Стратегия неприятия и выталкивания сопровождается образом врага, против которого нужно организовать сопротивление. Существуют специальные, по его выражению, «политические предприниматели страха „другого“». В результате возникают социальные группы, которые находят свою идентичность в борьбе против «другого».

В докладе А. Аклаева (Россия) прослеживается изменение образа «другого» на разных стадиях этнического конфликта. Он берет в качестве объекта изучения молдавско-русские отношения в связи с ситуацией в Приднестровье и доказывает, что восприятие культурных различий не только основывается на психологических механизмах стереотипизации, но и подчиняется логике этнополитической борьбы. Печально, что и после завершения вооруженного противостояния трудно преодолеть уже укorenившийся образ врага.

А. Балабаки (Ливан) обращается к примеру страны, ставшей символом непрекращающегося конфликта. Фрагментация ливанского общества привела к тому, что в сознании ливанца сложились образы своих соотечественников: вестернизированный христианин, мусульманин — арабский националист, осторожный друг, протестующий шиит. Он показывает, как в условиях существования на грани выживания конфессиональные и культурные факторы различий отходят на второй план, в то время как сходство в уровне жизни, социальных условиях, классовой принадлежности начинают играть решающую роль.

А. Карвинска (Польша) вместе со своими американскими соавторами провела исследование детских представлений о политической культуре. Они изучали образ собственной страны у американских и польских школьников и образ Америки среди польских подростков. Было обнаружено, что американские школьники, рисуя картинки своей страны, гораздо чаще, чем польские, используют политические символы — флаг, статую Свободы. Они являются составной частью массовой культуры. Поляки же больше обращаются к исторической и географической иконографии — карте, видам Кракова, природе. Польские учащиеся гораздо более критичны, чем сами американцы, к американским символам, хорошо им известным. Авторы делают вывод, что образ символического «другого» определяется политической идеологией и внушается в процессе политической социализации.

Формирование этнической идентичности через взаимоотношение с «другим» рассматривалось в нескольких докладах (все в разных секциях). Б. Тлел и (Тунис) показал, как тунисская диаспора во

Франции пользуется отдельными элементами ислама, приобретающими особую значимость, отличиями в пище, запахах, звуках, жестах, чтобы продемонстрировать свое единство как группы. Она конструирует из этих элементов способ жизни, не похожий на тот, которому обучают в школе и какой пропагандируют по телевизору. М. Коркоран (Ирландия) обратилась к опыту реконструкции этнической идентичности у ирландских иммигрантов в Нью-Йорке. Новые иммигранты живут нелегально и не могут использовать традиционные общинные формы установления идентичности. Источником поддержки своей культурной обособленности в этом случае наряду с элементами современной ирландской и американской культуры становится международная молодежная культура.

В докладе «Узбекско-русское взаимодействие в Средней Азии и создание образа „другого“» Е. В. Макарова (Россия) замечает, что осознание себя — не автоматический результат существующих различий между группами, а результат мобилизации этих различий. Одним из факторов, вызывающих эту мобилизацию, являются условия культурной и экономической зависимости (различная престижность культур). Именно зависимая группа активно использует понятие «другого» для построения собственной идентичности. Утверждение позитивного содержания собственного образа происходит через приписывание отрицательных черт (в том числе существенных собственной культуре) этому «другому». Для доминирующей же группы «другой» так и остается неизвестным и непонятным чужим, а рефлексия по поводу собственной идентичности ей, как правило, не свойственна.

В. В. Коротева (Россия) в своем докладе утверждает, что «другой» в процессе самоидентификации не обязательно бывает негативным или враждебным. При условии, если этот другой переосмыслен как мифический, он может воплощать «идеальное я». Автор анализирует роль «мифического араба» у народов Средней Азии. Арабский мир, столь привлекательный в их глазах, это не мир арабских государств, а некая воображаемая общность. В этом отношении в скрытом виде присутствует третий полюс идентичности — негативный «иной», долгое время доминировавшая реальная группа, от которой происходит отталкивание.

На конференции речь шла и о каналах формирования образа «иног». Одним из таких каналов является процесс обучения в школе. К. Делькруа (Франция) интересуется проблема диалога в ситуации, когда преподаватели и обучаемые принадлежат к разным культурам. Как человек, имеющий большой опыт межкультурного обучения, она приходит к выводу, что существуют глубокие ментальные структуры, детерминированные культурой и затрудняющие взаимное понимание. Эти структуры не преобразуются через диалог, и лишь терпимость позволяет продолжить процесс взаимодействия. Ю. Шозе (Канада) показывает, как образ «другого» возникает в качестве побочного эффекта обучения в классе. Целью преподавателей является создать некую общность с учениками через осознание принадлежности к общей культуре. Это неизбежно приводит к противопоставлению с «другими», живущими иначе, чем мы, имеющими другие традиции. Намерение показать множественность культур парадоксально приводит к утверждению стереотипов.

Другим каналом являются средства массовой информации. О газетах в своих выступлениях говорили В. К. Малькова (Россия) и Л. Граз (Швейцария). Швейцарский журналист обсуждал проблематичное отношение между репортером и его «объектом», желание последнего более или менее открыто контролировать то, что сказано, написано или заснято о нем. В. К. Малькова проследила процесс увеличения этнической информации в советской прессе с конца 80-х годов. Через максимально политизированную информацию распространяются автостереотипы жертвы и образ обидчика. На примере русскоязычной прессы Татарстана видно, как меняются образы другой этнической группы в зависимости от этнополитической обстановки. Одним из приемов «объективного» изображения «другого» в прессе служит цитирование газетой писем читателей, от которых редакция как бы дистанцируется, а также ссылки на мнение других народов.

Особо выделялись на конференции доклады, посвященные женской проблематике. Иным может быть не только человек другой национальности, культуры или гражданства другого государства. Ф. Хауг (Германия) заметила, что о «другом» редко думают как о составной части человечества, всегда присутствующем как другой пол. По ее мнению, изучение проблемы полов вовсе не периферийно к проблеме «иног». Возможно, существующие отношения между полами снабжают нас эмоциями, предрассудками, «здоровым смыслом», помещающими «другого» ниже себя. М.-Т. Кави и Р.-Б. Дави (Ливан) озаглавила свой доклад более чем завлекательно: «Образ мужчины через речь и сексуальное воображение женщин». Она проанализировала почти универсальное распространение образа мужчины как источника принимаемого женщиной страдания — мужчина как потенциальный муж, как абсолютный хозяин и как жестокий палач. Б. Вальдис (Швейцария) подошла к проблеме смешанных арабо-европейских супружеских пар в Швейцарии с точки зрения этнопсихологического анализа. Она обратила внимание на мифы, создающиеся в средствах массовой информации по поводу смешанных пар, и предложила направление, которое надо избрать для демистификации.

А. Дилми (Марокко) доказывает, что Запад видит проблему в положении женщины в мусульманском, в частности арабском, мире, исходя из глубоко укоренившихся культурных предрассудков. Он цитирует выдержки из отчетов французских путешественников, литературных произведений, этнографических работ. При всем несходстве жанров распространяемые в этих текстах стереотипы очень похожи. Для того чтобы сделать свои утверждения более убедительными, западные авторы конструируют мифический образ свободолюбивой берберской женщины, прямо противоположный образу женщины арабской. Стремление колонизаторов изменить место женщины в арабском обществе отражает, по мнению Дилми, стратегию доминирования.

Образу «другого» в литературе и искусстве была посвящена целая секция конференции. Литературные и художественные образы являются богатейшим материалом для социологического анализа. Большой интерес вызвал доклад С. Вачлина и А. Моорс (Нидерланды). Используя несколько необычный источник — почтовые открытки с видами Палестины — они показали, как зрительный образ меняется в зависимости от исторической и политической ситуации. Они поставили вопрос об «объективности» такой на первый взгляд непосредственной формы отражения реальности, как фото-

рафия. Анализ визуального образа провели также М. А ф а й я из Марокко («„Другой“ в кинематографическом воображении магрибинца»), С. М. Червонная и Е. Зайцев («Образ „другого“ в русской живописи XX в.»). Авторы последнего доклада на многочисленных примерах доказали, что открытость русской живописи по отношению к мировому искусству имеет глубокие корни. Образ «другого», появившийся на полотнах русских художников с XIX в., свидетельствует об универсализме русской художественной культуры.

Доклады об образе другого в литературных произведениях были представлены арабскими учеными и по сути свелись к той же рефлексии по поводу «арабскости» в соотношении с Западом, о которой мы уже говорили. Ф. А л ь-А й н а и н (Каир) раскрывает концепцию человека, культуры, истории, прогресса, выраженную в творчестве арабского романиста, и показывает, как устанавливаются отношения «я» (араб) — «другой» (Запад). М. М а н а и из Туниса продемонстрировал, как один и тот же арабский интеллектual смог создать два совершенно различных образа Запада — негативный в поэзии и позитивный, даже идолопоклоннический в прозе. Связано ли это с тем, что поэзия является имманентной частью арабской культуры, в то время как роман — форма, заимствованная из западной литературы?

Х. Х е л и л (Тунис) ставит вопрос об условиях производства адекватного образа «иног». По его мнению, палестинцы, читающие роман Ж. Жене «Пленник любви», узнают себя в созданных автором образах — случай редкий для произведения европейского писателя. Хелил высказывает предположение, что лишь вечный бродяга, каким был Жене, мог проникнуть в душу народа, лишенного своей земли, а протест самого автора против Америки и Запада привлек его к революционной борьбе палестинцев. Хелил упрекает арабских писателей, не сумевших создать о палестинцах произведения на уровне «Пленника любви», и тем самым противопоставляет палестинцев «другим арабам», показывая раскол в арабском мире.

В результате прослушанных докладов арабских ученых у нас сложилось впечатление, что социология для них не вычленена из широкой интеллектуальной традиции — литературной критики, анализа текста, философского размышления. Западная социология проделала путь от своего обособленного существования как самостоятельной дисциплины до синтеза с другими формами познания мира. Это скорее не социология, а социальная мысль. Арабская же социология, не пройдя через эти этапы, вписалась в наиболее популярные с недавнего времени на Западе тенденции — смешение научного и художественного жанров.

К некоторой иносказательности, метафоричности социологического рассуждения располагает и политическая ситуация в арабском мире. При всем различии режимов все они, как нам говорили наши арабские коллеги, далеко не благоприятны для конкретных социологических исследований и прямой социологической речи. Объективные условия существования социологии в арабских странах мало назвать трудными. Нам удалось увидеть лишь самую вершину айсберга. На конференции почтили память алжирского коллеги, убитого за неделю до этого исламскими фундаменталистами. Женщина-социолог из Ирака с трудом смогла выбраться из страны и добралась в Хаммамет лишь к концу заседаний.

Сложность и политическая разобщенность арабского мира заставляют искать единство в общей культуре и истории. Конференция «Образ „другого“» дала возможность арабским социологам порассуждать о себе и просто собраться вместе. При том что не все задуманное организаторами удалось так, как им хотелось, конференция была интересным явлением международной социологической жизни. А дружелюбие, теплота и гостеприимство хозяев встречи сделали ее и приятным событием в жизни участников.

В. В. Коротеева, Е. В. Макарова

© 1994 г., ЭО, № 1

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ АНТРОПОГЕНЕЗА И ПРОБЛЕМА РАССЕЛЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ГОМИНИДОВ

С 14 по 20 июня 1993 г. в подмосковном пансионате Салтыковка проходил Международный симпозиум «The Human Tide — Human Colonization and the Paleolithic Archaeological Record», что очень приблизительно можно перевести как «Первичная динамика человечества: колонизация суши людьми и данные палеолитической археологии». Симпозиум был организован Лабораторией эволюционной географии Института географии РАН (проф. А. А. Величко) и кафедрой антропологии Иллинойского университета США (проф. О. Соффер) на средства фонда антропологических исследований Веннер-Грена. В симпозиуме участвовали 29 специалистов из Австралии, Великобритании, Грузии, Дании, России, США и Франции.

Основная цель симпозиума — поиск междисциплинарных путей решения проблемы расселения гоминидов в эпоху палеолита. Прозвучавшие здесь доклады можно подразделить на несколько тематических подгрупп: 1) археологические свидетельства распространения гоминидов в различных